

Топоним в политической культуре средневековой Японии

Е.К. Симонова-Гудзенко

В статье рассматривается роль и место топонимов в политической культуре средневековой Японии. Топоним можно рассматривать как гиперссылку, «кликнув» на которую раскрываешь нескончаемую цепочку общекультурных, исторических, литературных образов, событий и явлений. Исследование топонимики требует междисциплинарного подхода. Островной характер территории Японии, особенности рельефа, распространение и устойчивость анимистических верований способствовали тому, что точная локализация события или явления приобретала особое значение. Развернутый адрес события или явления чаще всего состоит из топонимов провинции, уезда, деревни или какого-то конкретного места, что почти всегда позволяет обнаружить указанный объект на географической карте. Более того, однажды введенные в контекст культуры географические объекты становятся местами поклонения, источниками вдохновения для многих поколений и чрезвычайно редко подвергаются изменениям. Топонимы являются составной частью имен божеств, имен императоров и членов их семьи. Топонимика была важна и при определении и фиксации границ государства. Вероятно, впервые в японской письменной традиции географическое пространство всего архипелага, кроме удаленной северо-восточной части, было представлено в первой поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). В статье подробно анализируется история происхождения и бытования топонимов, составляющих культурно-исторический образ страны, ее название (Ямато – Нихон), название самой высокой горы архипелага (Фудзи). Кроме того, в качестве примера рассматривается топоним заставы (Сиракава), объекта сегодня малоизвестного, но являвшегося важным элементом политико-административного устройства средневекового государства.

Топоним как один из видов имен собственных консервативен по своей природе, что позволяет ему являться хранителем исторической информации, быть показателем времени в письменной культуре, то есть, используя термин М.М.Бахтина, формировать хронотоп культуры. Географическая определенность характерная для островной ментальности и корреляция с ней императорского мифа, являвшиеся одними из основ японской политической культуры вплоть до XX века, определили повышенное внимание к топонимике в культурной традиции.

Ключевые слова: топоним, Ямато, Фудзи, ками, острова.

Большинство культур имеет свой список основополагающих топонимов. Как правило, он включает названия страны, столиц и значимых географических объектов – гор, рек, озер и др. Представляется, что для русской культуры минимально определяющими являются: Русь – Россия – СССР; Москва – Санкт-Петербург; Волга, Байкал; Сибирь. Говоря современным языком, топоним можно рассматривать как гиперссылку, кликнув на которую раскрываешь нескончаемую цепочку общекультурных, исторических, литературных образов, событий и явлений.

Японская культура не составляет исключения, хотя и отличается рядом особенностей. Островной характер территории, на которой она складывалась и развивалась, видимо, проявился в тщательной «проработке пространства», когда в условиях ограниченности суши точная локализация события или явления приобретала особое значение. Рельеф, протяженность с северо-востока на юго-запад, сравнительно небольшая ширина, горные массивы, прибрежные долины дополнительно усиливали эту особенность. Хозяйственная деятельность (поливное рисосеяние, рыболовство в прибрежных водах), предопределившая «высокую степень оседлости», еще больше проявляла ее [1, с. 291]. Рассказывая миф, сказку, стихотворение или реальную историю, японец всегда точно укажет место действия. Развернутый адрес события или явления чаще всего включает топонимы провинции, уезда, деревни или какого-то конкретного места. Этому способствовали и распространенные повсеместно на архипелаге анимистические верования. Указанный объект почти всегда можно обнаружить на географической карте. Более того, однажды введенные в контекст культуры географические объекты становятся местами поклонения, источниками вдохновения для многих поколений.

До создания общегосударственного мифологического пантеона (в некоторой степени и после) каждая географически обособленная местность имела своих собственных божеств – *ками* – природных явлений и объектов, хозяйственной деятельности, «отвечающих» за земледелие, рыболовство, общее «природное спокойствие», столь необходимое в условиях тайфунов, землетрясений и иных частых природных катаклизмов.

Имена большинства японских божеств *ками* – сложносоставные и включающие топоним места, где пребывало божество, и на которое распространялась его сила. Императорский миф, рассказ о божественном происхождении и праве рода на верховную власть стал стержневой идеей японской государственности на долгие века. Происхождение рода государей от верховного божества мифологического пантеона гарантировало право на верховную власть. Мифологический пантеон должен был включать наиболее влиятельных божеств, разместив их согласно строгой иерархии, что и нашло отражение в ранних письменных памятниках «Кодзики» (712) и «Нихон сёки» (720). Список включал чуть более 250 *ками*.

Списки теонимов, включавшие географические названия, в «Кодзики» и «Нихон сёки» различаются структурно. Если в «Кодзики» преобладают «собственные» имена богов, в которых составным элементом является топоним [Хаямика-но такэсахая-дзинуми-но ками; Амэ-но хибарасинадоми-но ками и др.], то в «Нихон сёки» – «описательные имена» [Дурной

бог пролива *Киби-но ана*¹, Бог острова *Авадзи*² и др.]. Вероятно, это объясняется как разными задачами, так и разной структурой памятников. В «Кодзики», сакральном, магическом тексте, важно было передать посвященным все возможные магические формулы, и имена богов являлись едва ли не главными из них. В «Нихон сёки», государственной хронике, раскрывалась история государства наиболее широко в квазиисторическом и историческом времени и пространстве. Многовариантность одного сюжета (от 1 до 11), характерная для «Нихон сёки», демонстрирует наличие множества родовых хроник, которыми располагали составители. Родовые варианты, как правило, включали местных божеств, оказавшихся в общегосударственных мифологических сюжетах на второстепенных ролях. Топонимы в их именах расширяли пространство государства и показывали его освоенность.

Совпадают в «Кодзики» и «Нихон сёки» теонимы тех божеств, которые играют важную роль в сюжете «императорского мифа». Это, во-первых, божества моря, рожденные во время омовения-очищения бога Идзанаги после возвращения из страны мрака, Суминоэ-но ооумуками. *Суминоэ* – название местности в провинции Сэтцу, на побережье Внутреннего японского моря. Затем, имена божеств, рожденных во время спора Аматаэрасу и Сусаново. Сюжет о браке-споре двух главных божеств мифологического цикла специалисты рассматривают как объединение двух разных культурных комплексов Идзумо и Исэ, причем Идзумо превалирует, вероятно, являясь более сильным, а возможно, и более древним. Имена героев мифа о нисхождении Сусаново на землю после изгнания из Небесной страны в область Идзумо (западное побережье острова Хонсю, совр. преф. Симанэ) включают топонимы земли Идзумо: *Суса* в имени Сусаново, *Кумано* – Кумано-кусуби, *Инада* – Камуинада-химэ, *Суга* – Суга-но-яцу-мими. Теоним посредника небесных и земных божеств Сарута-хико имеет компонент *Сарута* – топоним земли Исэ. Он встретил внука богини Аматаэрасу, прародителя рода японских государей, при его нисхождении на землю.

В «Когосюи» (807), записях жреческого рода Имубэ, топонимы также встречаются в теонимах участников императорского мифа (*Сусаново-но ками*, *Сарутахико-о:ками*, *Суминоэ-но омуками*, *Ватацуми-но ками*).

Корреляция легендарной генеалогии правящего рода и топонимов конкретных географических объектов, с которыми был связан тот или иной *ками*, позволяла выстроить пространство государства, наметить его границы. Топонимы, компоненты имен божеств, составляющих список мифологического пантеона, по существу, покрывают территорию центральной и западной Японии.

Богиня-творец Идзанами из страны мрака, куда она попала после рождения бога огня, отправилась в *Кумано* в стране *Ки* [2, с. 123]. Бог-творец Идзанаги, совершив обряд очищения после возвращения из страны мрака, породив множество богов стихий, ландшафта и главных действующих лиц последующего цикла мифов – богов солнца, луны, ветра,

¹ В тексте источника: «Киби-ни итаритэ ана-но уми-о ватару. Соно токорони арабуру ками ари». (Достигли Киби, пересекли море Ана. Там было дурное божество.) Нихон сёки. Нихон котэн бункаку тайкэй : [Собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сэтэн, 1965. Т. 67. С. 300.

² В тексте источника: Сима-но ками (Божество острова). Перед этим рассказ о том, как государь охотился на острове Авадзи. – Нихон сёки. Т.67. С. 446.

скрывается в *Авадзи* [2, с. 130], а затем отправляется в Тага в стране *Оми* [3, с. 52]. Спор *Аматэрасу* и *Сусаново* за главенство завершается размещением трех богинь, рожденных из меча, в местность *Мунаката* на *Цукуси* [3, с. 54; 2, с. 132] и изгнанием самого бога из Небесной страны на землю в *Идзумо* [2, с. 140]. После решения верховной богини навести порядок на земле действие фактически целиком переносится на территорию Японских островов, причем продвижение богов и легендарных императоров осуществляется с юго-запада в центральную часть, и затем на северо-восток. Важнейший для правящего рода священный центр *Исэ* вводится на этапе подготовки нисхождения Небесного внука на землю. О значении данной местности свидетельствует мифический брак небесной богини *Амэ-но удзумэ*, спутницы *Ниниги*, и земного бога *Сарута-хико*, божества сильного местного солнечного культа [2, с. 154; 3, с. 85, 87–88]. Крупный японский исследователь мифологии *Мацумаэ Такэси* полагает, что до того, как *Аматэрасу* стали почитать как богиню-предка рода государей в *Исэ*, там располагалось святилище божеств Солнца. *Сарута-хико* был одним из них [4, с. 4–5]. Топоним *Ямато*, центра японской государственности, появляется сравнительно поздно, с упоминанием первого легендарного государя *Дзимму*. Освоение пространства прослеживается по местам размещения дворцов, например, *Касивара* (в *Асука*) – с императором *Дзимму*, *Муро* – с *Коан*; либо как места происхождения жен легендарных государей *Суйдзэй*, *Аннэй*, *Косэй* – с *Касуга*, *Камо*, *Ямато*.

Представляется, что японские посмертные имена государей заслуживают пристального внимания. Рассмотрим *Риккокуси*³ (Шесть национальных историй), включающие хроники 58 имен государей – от легендарного *Дзимму* (660–558 г. до н. э. по традиционной хронологии) до исторического *Коко* (884–887). Авторы, характер повествования, объем шести сочинений разные. Первая история начинается мифологической частью, затем переходит к хроникам легендарных, полULEГЕНДАРНЫХ и исторических государей. Последующие пять – хроники правления одного или нескольких государей, например, в «*Сёку нихонги*» девяти, а в «*Нихон Монтоку тэнно дзицуруку*» одного. По мере синхронизации событий и времени их фиксации повествования становятся более подробными, наполненными деталями разных сторон государственной, ритуальной, хозяйственной, внутри- и внешнеполитической жизни. Характер повествования от мифологического рассказа в первой части «*Нихон сёки*», сближаясь с китайским прототипом историописания, постепенно приобретает хроникальную четкость, некоторую сухость. Ту же тенденцию иллюстрируют посмертные имена государей. С имени 46-й, по официальной императорской генеалогии, государыни *Кокэн* (749–758) развернутые посмертные японские имена трансформируются и к 50-му императору *Камму* (781–806) исчезают, оставляя лишь китаизированные [5].

Рассмотрим имена 50 легендарных, полULEГЕНДАРНЫХ и исторических государей, зафиксированные в первых национальных историях «*Нихон сёки*» и «*Сёку нихонги*». Список

³ *Нихон сёки* (720) состоят из двух частей: мифологической и хроник императоров, начиная с легендарного *Дзимму* и до государыни *Дзито* (690–697). *Сёкунихонги* (797) – хроники 9 государей с *Момму* (697–707) до 789 г. правления *Камму* (781–806). *Нихон коки* (840) – хроники 4 государей, с 790 г. правления *Камму* до *Дзюнна* (823–833). *Сёкунихон коки* (866) – хроника государя *Ниммё* (833–850). *Нихон Монтоку тэнно дзицуруку* (879) – хроника государя *Монтоку* (850–858). *Нихон Нихон сандай дзицуруку* (901) – хроники государей *Сэйва* (858–876), *Ёдзэй* (876–884), *Коко* (884–887). *Сандай дзицуруку* (901) – хроники государей *Сэйва* (858–876), *Ёдзэй* (876–884), *Коко* (884–887).

посмертных японских имен государей с точки зрения входящих в них топонимов можно условно разделить на четыре группы:

I. Топоним Ямато составным компонентом входит в имена первых 9 легендарных государей, от Дзимму⁴ до Кайка, исключая лишь имя 5-го государя Косэй; а также в состав имен исторических государя Сэйнэй (480–484) и государынь Гэммэй (707–715) и Гэнсё (715–724).

II. Топонимы составными компонентами не входят в имена 10 полулегендарных государей, от Судзин (97–30) до Хандзэй (406–410), но в них использованы названия растений или животных.

III. Топонимы земли Ямато, поддающиеся сравнительно точной локализации, входят составными компонентами в имена 15 государей, от Ингё (412–453) до Дзёмэй (629–641). Это топонимы *Асадзума*, *Анахо*, *Хацусэ*, *Магари*, *Татибана*, *Хинокума*, а также топоним земли Оми *Окинага*. В этой же группе три имени выделяются элементом *хиро-куни* – «широкая страна», а в имя 22-го государя Сэйнэй, как уже отмечалось, входит топоним Ямато.

IV. Особую группу составляют имена с компонентами *амэ* – небо и *куни* – земля. В именах государей Киммэй (539–571) и Сёму (724–749) использованы оба элемента. Первый будто знаменует начало некоего нового этапа в императорской генеалогии и истории государства, а второй завершает традицию включения в хроники сложносоставных посмертных имен японских государей. Имена 6 государей, с Когёку (642–645) до Тэмму (673–686), а также Момму (697–707) и Сёму (724–747) начинаются компонентом *амэ* – «небо». Этот компонент входит и в состав имени государыни Гэммэй, но не является первым. В именах Когёку (642–645), Котоку (645–654) и Саймэй (655–661) *амэ* коррелируется с *хи* – «солнце».

Компонент Ямато, название государства, входит в имена первых 9 легендарных и полулегендарных государей – основателей японского государства, в имена государей с 35 по 40-й – понятие «небо», в имена 43 и 44-го – Ямато, а в имя 29 и 45-го – «небо» и «земля». Важно отметить обычай табуирования имен, а также то, что китаизированные посмертные имена демонстрируют «смены» династий [5]. Кроме того, ряд законов (647, 701 г.) запрещал давать имена, повторяющие имена богов и государей, а в 774 г. запрещение пролонгируется на 30 поколений. Изменение компонентов в именах государей демонстрирует не только процессы увеличения границ и освоения территории государства, но и расширение представлений о его роли и месте, превалировании китайской культурной традиции в управлении государством.

Имена государынь включают топонимы преимущественно земли *Ямато*, в то время как имена других жен и детей государей, видимо, не подвергались столь жесткой регламентации. Топонимы, входящие в состав их имен, более разнообразны, включают земли на побережье Внутреннего моря – *Кибу*, а также *Идзумо*, *Тадзима*, *Ига*, остров *Авадзи*, полуостров *Кии*.

Освоение китайской культурной традиции просматривается и в изменении принципа записи топонимов. Перевод топонимов из устного бытования в письменное, освоение иероглифической письменности потребовали определенных распоряжений государства. В

⁴ В данной статье государя именуются по посмертным китаизированным именам, как это принято в японской национальной историографии. В скобках указаны годы правления по традиционной хронологии.

указе государыни Гэммэй (707–715) от 713 г. о составлении исторических и географических описаний земель *фудоки* подчеркивается необходимость записи географических названий «хорошими» иероглифами. Он гласит: «6-ой год Вадо, 5-ая луна, 2-ой день. Приказано записать, выбрав **хорошие знаки**, все уезды и села во всех провинциях в Кинай и семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющих в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения о качестве земель, происхождении названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и чудесные истории. Эти сведения подать наверх» [6]. Таким образом, уже в 713 г. государство было обеспокоено тем, что при записи топонимов должны быть использованы благожелательные иероглифы.

Топонимика была важна и при фиксации границ и пространства государства. Вероятно, впервые в японской письменной традиции географическое пространство всего архипелага, кроме удаленной северо-восточной части, было представлено в первой поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). Она, так же как и первые исторические хроники (риккокуси), является важнейшим письменным источником по древней и раннесредневековой истории и культуре японского народа. География в песнях антологии охватывает почти всю территорию архипелага: от севера острова Кюсю до северо-востока острова Хонсю. Ее составители включили произведения как известных, так и анонимных авторов из дальних уголков страны, видимо, стремясь максимально широко охватить территорию архипелага, представив его пространством единого культурного государства. В собрании превалируют песни центрального района Кинай, как, например, в свитке XI – песни Ямато. Однако свиток III включает оду, воспевающую гору Фудзи в восточной провинции Суруга; свитки IV и V – песни–послания из Цукуси на острове Кюсю; свиток VII – песни провинции Сэтцу и местности Ёсино; а свиток XIV полностью посвящен песням восточных провинций; свитки XV–XVI включают песни северо–западных провинций Этидзэн, Эттю и Ното. Конец VIII века – время, когда Япония, сохраняла собственную независимость от Танской империи, что, вероятно, требовало демонстрации распространения «культурности» на максимально большом пространстве архипелага, а умение слагать стихи было одним из ее аспектов⁵.

Если в поэтической антологии границы государства широки, но освоенность пространства фрагментарна, то к X веку знания о государственной территории углубляются. Вербальная географическая карта японского архипелага с указанием управителей областей, являвшихся их фактическими владельцами и жрецами местных *ками*, представлена в тексте «Куни-но мияцуко хонги», 10-м свитке «Сэндай кудзи хонги»⁶ [7, с. 207–218]. Выработка концепции государственного пространства была одним из характерных признаков особого периода развития, который переживала японская культура в IX – первой половине X века. Завершение этапа освоения материковой культурной информации

⁵ О понятии «культурность» см.: Грачев М.В. Государь и подданные в древней и раннесредневековой Японии // Правитель и подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2009. С. 174, 184.

⁶ Определение внешних границ государства, бесспорно, тоже было существенно, но, вероятно, отступало на второй план и в связи со спецификой географического положения Японии, и в связи с «закрытием от внешнего мира», характерным для периода составления «Куни-но мияцуко хонги».

потребовало самоидентификации. Однако всем знатным родам, а утратившим свои былые позиции – в первую очередь, было важно не только утвердить свое положение в иерархии знатности и влияния, но и обосновать свои исконные, со времен богов, права на земельные владения. Учитывая характер верований (обилие местных божеств), составление списка *куни-но мияцуко* (управителей областей) с генеалогиями позволяло «подверстать» в единый мифологический пантеон и местных божеств. Включение местных локальных божеств в генеалогическое древо общегосударственного пантеона являлось бесспорным доказательством древности и знатности происхождения провинциального рода и обеспечивало ему исконное право на владение землей. Тем более, что одной из важнейших функций *куни-но мияцуко* было почитание местных божеств.

Список *ками*, к которым возводят свое происхождение роды провинциальной знати, иллюстрирует сложный процесс создания общегосударственной иерархии знатных родов. Важно отметить, что текст составлялся уже в условиях функционирующего императорского мифа. В списке присутствуют два астральных божества, *Таками-мусуби* и *Ками-мусуби*, занимающих верхнюю ступень в общегосударственном мифологическом пантеоне. Их своими предками почитают 5 родов управителей областей юго-запада архипелага: *Таками-мусуби* – Авадзи и Ки, *Ками-мусуби* – Ава, Уса и Цусима. Большая часть провинциальных знатных родов выводят свое происхождение если и от астральных *ками*, то стоящих на низшей ступени мифологического пантеона и не имеющих прямых связей с императорской генеалогией. Это – божества, сопровождающие внука Амаэрасу-оомиками, предка японского правящего рода, во время его нисхождения из Небесной страны на японские острова. Локальные божества, даже в случаях, когда они названы, указаны как потомки божеств общегосударственного мифологического пантеона. Логично предположить, что авторы-составители свитка «Куни-но мияцуко хонги» считали важным подчеркнуть происхождение местных знатных родов от божеств общегосударственного пантеона.

К X веку границы государства охватывают территорию больших островов Кюсю, Сикоку и Хонсю, кроме крайнего северо-востока и группы малых. Документальным свидетельством этих представлений, кроме уже названного списка божеств, являются списки уездов и провинций, включенные в «Энгисики»⁷ [8]. И хотя подобное видение пространства государства можно считать несколько идеализированным, поскольку реальная центральная власть была довольно слабой, однако стремление показать максимально возможно большую территорию представляется чрезвычайно важными. Кроме того, знание или, по крайней мере, наличие сведений о божествах и святилищах всех известных на то время 68 провинций и 590 уездов является существенным. В территориальном принципе ранжирования важную роль играют топонимы.

Известно, что на начальном этапе своей истории буддизм в Японии «принадлежал больше политике, чем религии» [9, с. 30]. Попав в Японию, он не только воспринял уже существовавшую на островах сакральную разметку пространства, размещая храмовые постройки в издревле священных местах, но использовал-сохранял топонимы в названиях

⁷ Энгисики (Установления годов Энги), 967 г. Собрание правил внутреннего распорядка для чиновников всех ведомств, включает списки штатов ведомств, провинций и уездов, собираемых налогов, протоколы придворных церемоний, годовых праздников.

храмов, например, Асука-дэра, Икаруга-дэра, Хагивара-дэра и др. Возможно, это способствовало популярности храмовых сооружений новой, привнесенной, религии. Письменная фиксация какое-то время бытовавших в устной традиции буддийских преданий (*сэцува*) требовала пространственно-временной четкости, что усиливало достоверность изложенного события. Каждое предание начинается с указания «адреса»: названия провинции–уезда–села или столицы с указанием конкретного района или дворца. Многие патриархи буддизма так и сохраняют в историко-культурной традиции связь с определенными географическими местами.

В этом же направлении будут развиваться и всеяпонские синкретические культы, формирующиеся в XII–XIV веках. «История» возникновения и развития культа коррелируется с конкретной географией, а топонимика входит в названия храмов. Данное явление ярко представлено в одном из наиболее крупных и популярных культов – божества Хатиман. Первоначально он был родовым божеством нескольких кланов провинции Будзэн (совр. преф. Оита) на острове Кюсю. В 752 г. в районе Уса появилось первое святилище, получившее название Уса-Хатимангу. Затем участие представителей родов из провинции Будзэн, занимавшихся обработкой металла в отливке статуи Большого Будды храма Тодайдзи в Нара, «сделало» незначительное родовое божество охранителем буддизма. Поскольку буддизм в Японии на раннем этапе выступает в роли охранителя молодого японского государства, то Хатиман приобретает новую дополнительную функцию. Учреждается еще один храмовый комплекс в районе столицы Хэйан, получивший название по топониму Ивасимидзу-Хатимангу (859 г.). Функции божества расширяются, можно сказать, конкретизируются, когда он становится охранителем рода Минамото. Третье крупное святилище появляется в Камакура и получает название Цуругаока-Хатимангу (1180 г.) по топониму холма, на котором расположено. Его основал первый сёгун Минамото Ёритомо (1147–1199). Подобным образом формировалась история и выстраивалась сеть основных святилищ и в других крупных культах, таких, как Тэммангу, Инари, Сэнгэн и т. д.

Попытаемся проследить бытование названия государства, топонима Ямато. В письменных источниках он появляется относительно поздно.

В китайских летописях народ, населявший японский архипелаг, назывался «во-жень». Жители японских островов стали использовать этот китайский иероглиф для обозначения собственной страны, во всяком случае, в письменной традиции. Однако прочитывали его – «Ямато», вероятно, изначально привязав к конкретной территории. Как уже отмечалось, географическая определенность – одна из характерных черт японской историко-культурной традиции. В современном словаре древних топонимов объясняется, что первоначально это название принадлежало небольшой территории в пределах дороги Яманобэ, в уезде Сики-но ками провинции Ямато (совр. преф. Нара). С усилением политической власти Ямато топонимом обозначается село (*го*), управитель области (*куни-но мияцуюко*), а с оформлением государства Рицурё и страна в целом [10, с. 1478]. Таким образом, исследователи исходят из положения, что топоним Ямато издревле существовал в центральной части острова Хонсю, на территории современной префектуры Нара.

Принимая во внимание, что имя «Ямато» носила народность (яп. *миндзоку*), пришедшая на остров Хонсю с Кюсю, а возможно, еще раньше с материка, земля в

центральной Японии могла получить название по этнониму. Вероятно, до некоторой степени подтверждает это и отсутствие топонима в именах божеств мифологического пантеона, и первое его упоминание в посмертном японском имени легендарного государя Дзимму, с которым связан «Восточный поход» с северного Кюсю в центр Хонсю. «Поход» современная историография толкует как миграцию больших групп населения.

В списке провинций и уездов «Энгисики», в провинции Тикуго (совр. преф. Фукуока) есть уезд Ямато [8, Т. 2. С. 566], запись которого буквально значит «врата (промежутки) в горах». Авторы словаря этимологий древних японских топонимов, ссылаясь на «Вамёсё» (Энциклопедию японских имен, X век), отмечают, что топоним встречался в провинциях Тикуго и Хиго (совр. преф. Кумамото) в названиях уездов и сел. Сегодня он еще сохранился в имени уезда префектуры Фукуока [11, с. 321]. Известно, что перемещаясь, особенно когда речь идет о значительных миграциях, народ несет с собой и привычные, любимые топонимы. Однако нельзя не учитывать омонимичность японского языка, вероятность, что одинаково звучащие топонимы могли возникнуть в разных частях архипелага, а записали их по-разному, возможно, по тому значению, которое они имели или получили ко времени фиксации. Однако, учитывая повышенное внимание жителей островов к географической определенности и топонимике, расположение земли с названием Ямато в северной части острова Кюсю, откуда, как полагают исследователи, и мог начинаться «Восточный поход Дзимму», наводит на размышления.

В письменной традиции с 702 г. появляется новое самоназвание страны *Нихон* (Присолнечная), связанное, по мнению исследователей, с тем, что одно из значений китайского иероглифа «倭», обозначавшего Японию, имело уничижительное значение «карлик» [12]. Сложно сказать, функционировало ли новое название страны в устной и письменной традиции или, возможно, было выработано для узкого применения лишь во внешнеполитических документах. В указах государей *сэммё* (VII–VIII века) страна именуется *Оо-ясима-куни*, в то время как «ушедший государь или государыня», кому воследует изрекающий указы, носит имя *ямато-нэко-но сумэрамикото*, «сын или дочь Ямато».

В статье «Энциклопедии национальной истории», посвященной понятию *Нихон*, говорится, что представление о компактной территории государства сложилось около VII века и получило название *Оо-ясима-куни*. Это образное название отражало представление о множестве островов, составляющих пространство государства, но одновременно и указывало на весьма конкретные острова Хонсю, Сикоку, Кюсю, Авадзи, Оки, Цусима, Ики, Садо. На острове Хонсю границы государства не включали его северо-восточной части, провинций Муцу и Дэва. Освоение этих земель происходило в периоды Нара (710–794) – Камакура (1185–1333), лишь к XVI веку японцы продвинулись к южной части острова Хоккайдо [13, С.104]. Список островов, рожденных божествами Идзанаги-Идзанами, получивший имя *Оо-ясима-куни* – «страна восьми великих островов», встречается в мифологических частях первых письменных памятников «Кодзики» и «Нихон сёки» [7, с. 179–185]. Это образное название страны используют в своих географических и политических сочинениях в последующее время такие мыслители как Нисикава Дзёкэн (1648–1724), Хирата Ацутанэ (1776–1843), Сига Сигэтака (1863–1927) и Вацудзи Тэцуро (1889–1960).

Китабатакэ Тикафуса (1293–1354), автор известного средневекового исторического сочинения «Дзинносётоки» (1343 г.), поясняет все существующие в его время названия страны. Начинается оно словами: «Великая Присолнечная (*нихон*) – страна богов», рядом с иероглифами *нихон* приписано фонетическое прочтение Ямато⁸. Подобные подписи встречаются в других сочинениях и на географических картах. Таким образом, несмотря на многие описательные, метафорические названия страны, топоним Ямато, видимо, остается устойчивым вплоть до позднего Средневековья.

История бытования топонима Фудзи представляет интерес в том смысле, что после Реставрации Мэйдзи в 1868 г. гора становится своего рода символом государства. Об этом подробно и интересно написал А.Н.Мещеряков [14]. Не буду повторять, только хочу обратить внимание на два момента.

Первое, самое раннее, упоминание топонима Фудзи в государственной хронике «Нихон сёки» связано с горой, расположенной на острове Кюсю. Привычной, традиционной является соотнесенность топонима с горой на северо-востоке архипелага в провинции Суруга (совр. преф. Сидзуока). В хронике легендарного/полулегендарного государя Кэйко (71–130) говорится: «В день Хиното-но тори государь достиг угодий Ямэ-но агата, перешел гору **Фудзи-яма**, обозрел Ава-но саки в южной стороне и рек: «Здесь громоздится множество горных пиков, и вид этот прекрасен. А обитает ли на этой горе божество?» Тогда Сару-ооми, распорядитель угодий Минума-но агата, сказал: «Здесь есть богиня. Имя ее — Ямэцу-химэ. Она обычно пребывает на этой горе». Отсюда и произошло название этой страны — Ямэ-но кунь» [2, с. 243]. В комментарии к академическому изданию «Собрание японской классической литературы» сказано, что вероятно, гора расположена в префектуре Фукуока, около города Курумэ к северу от уезда Ямэ по дороге к уезду Мии (бывшая провинция Тикуго) [15, с. 296–297]. Любопытно, что в этой же провинции был и уезд Ямато, о котором говорилось выше. Существование на севере Кюсю топонимов, омонимичных главным топонимам японской государственности, дает пищу для размышлений и дальнейших изысканий.

Первое и единственное упоминание горы Фудзи в провинции Суруга встречаем в государственной хронике «Сёку нихонги» под 781 годом, первым годом правления государя Камму (781–806). Оно гласит: «Из провинции Суруга докладывают: “У подножья горы Фудзи выпал пепел, листья на деревьях, высохли”»⁹.

Однако в поэтической антологии, почти синхронной хронике «Нихон сёки» по времени составления, горе Фудзи посвящено 11 песен. Их можно разделить на две примерно равные группы: восхваляющие красоту горы (прославленных поэтов) и отмечающие ее грозный, опасный характер (как правило, неизвестных авторов)¹⁰ [16].

А.Н. Мещеряков убедительно показывает принадлежность горы Фудзи к японским даосским пространственным представлениям [14, с. 18–27], что до какой-то степени объясняет восхваляющие гимны авторов – величайших поэтов «Манъёсю», двух

⁸ Необходимы дополнительные изыскания для определения, принадлежит ли *фуригана* (фонетическое прочтение) автору сочинения или была добавлена позднее.

⁹ Сёку нихонги. [781 г.] Тэнъо. 1-7-б.

¹⁰ Манъёсю. п.317–321, 2695, 2697, 3355–58.

образованных людей, Ямабэ Акихито (?–736) и Такахаси Мусимаро (?–730)¹¹. Однако это не помешало последнему из них при составлении Хитати-фудоки включить бытующую в тех краях легенду, показывающую отрицательный образ горы Фудзи.

В «Энгисики» в уезде Фудзи отмечены три святилища – одно большое и два малых. Большое называется Сэнгэн Асама дзиндзя, а к малым относится Фудзи-дзиндзя [8, с. 229]. Исследователи предполагают, что в древности гора могла называться Асама-яма. «Асама» – топоним, часто употреблявшийся для обозначения вулканов [11, с. 12]. Считается, что сеть святилищ *сэнгэн*¹² *дзиндзя*, в которых поклоняются божеству горы Фудзи, объединяет сегодня более 1300. В святилище, которое по преданию основано в 806 г. Саканоуэ Тамуромаро¹³, почитается божество Асама. На вершине горы и сегодня есть внутреннее святилище, где пребывает дух горы [17, с. 200–201]. Таким образом, вероятно, попытка соединения двух божеств – божества вулканических гор и местного горного kami – оказалась не очень успешной, и божество горы Фудзи сохранило, пусть несколько усеченную, но все-таки самостоятельность, выразившуюся в сохранении собственного святилища.

В записях о горе Фудзи есть упоминания о том, что в эпоху Хэйан совершали восхождения на гору. Там же говорится, что над кратером вулкана можно увидеть танцующих прекрасных дев в белых одеяниях [18]. В многочисленных письменных источниках того времени уже складывается устойчивый литературно-географический образ этой горы [19, с. 47; 20, с. 82–83]. В эпоху Муромати (1392–1467) фрагментарные восхождения на гору приобретают форму паломничества, о чем свидетельствуют созданные тогда многочисленные буддийские мандалы.

Священной горой государства она становится лишь в эпоху Токугава (1603–1867), когда столица, фактический центр, была перенесена из Киото в Эдо. Перенесение центра священной географии из западной Японии в восточную, привело к необходимости «поиска священной горы, еще одного центра управления». Важно было создать, «сконструировать» государственное священное пространство в новом месте, кроме того, в этом можно увидеть и стремление сёгуна усилить сакральный аспект собственной власти, уравнивать или хотя бы приблизиться к высокой императорской. С этого времени процесс сакрализации горы приобретает выраженную идеологическую окраску. Реставрация святилища, проведенная в 1604 г по инициативе и на средства сёгуна Токугава Иэясу (1542–1616), запрет подниматься на гору, вероятно, были связаны с высоким сакральным статусом горы.

Второе, на что хотелось обратить внимание: в народной культуре с древности и до XIX века горы Фудзи и Цукуба существовали, скажем, в оппозиции. Гора Цукуба в провинции Хитати (совр. преф. Ибараки) издревле почиталась священной. Началом традиции, видимо, являлась известная легенда о двух горах, приведенная в Хитати-фудоки. «Старики рассказывают: в древности бог прародитель объезжал горы обиталища богов. Когда он достиг горы Фудзи в провинции Суруга, наступил вечер, и он стал просить ночлега. Тогда бог горы Фудзи ответил: «[Сейчас] у нас праздник нового урожая, и мы не хотим, чтобы был

¹¹ С 713 по 725 г. Такахаси Мусимаро работал в управлении провинции Хитати.

¹² *сэнгэн* – китайское прочтение иероглифов, которыми записывается *асама*.

¹³ Саканоуэ Тамуромаро (758–811). Военачальник, известен победами над эмиси, первым получил титул *сэйи тайсёгун*. Его полагают основателем храма Киёмидзу-дэра.

кто-либо посторонний. Сегодня мы не можем приютить вас». Бог прародитель заплакал от досады и начал браниться и проклинать: «Я – твой отец. Почему ты не хочешь дать мне ночлега? Пусть же гора, где ты живешь, будет безлюдной, пусть зимой и летом идет снег, садится иней и всегда будет холодно, пусть сюда не поднимаются люди, и никто не приносит тебе пищи». Затем, он поднялся на гору Цукуба и опять попросил ночлега. Бог горы Цукуба на это ответил: «Хотя сегодня мы и вкушаем новое зерно, но мы не можем не уважить вашей просьбы». Он принес кушанья и почтительно подал их богу. Бог прародитель возрадовался и запел: «Мои милые дети! Пусть ваш храм будет прекрасным, и я желаю, чтобы так было вечно, как небо и земля, как солнце и луна, чтобы люди, собравшись, веселились, чтобы еды, и питья было много, чтобы веселье не прекращалось века и чтобы день ото дня все процветало. Пусть всегда у вас будет радость». Поэтому на горе Фудзи всегда идет снег и подняться на нее невозможно, а на горе Цукуба собирается много людей. Они поют и пляшут, едят и пьют, и это не прекращается и до сих пор»» [21, с. 34–35].

В «Маньёсю» топоним горы Цукуба упоминается 23 раза¹⁴, а Фудзи – 11. Если образ Фудзи в антологии неоднозначен, то Цукуба всегда представлялась только с положительной стороны. На этой горе проходили весенние и осенние брачные игры *кагаи*, цвели лилии и татибана, шумели ручьи и родники, у подножья жали созревший рис, пряли шелк из «туда весеннего» и т.д. Благорасположенный к человеку образ горы воспевали как знаменитые поэты, среди них – прославивший гору-соперницу Такахаси Мусимаро, так и неизвестные. Подчеркивалась ее несравненная красота, наличие двух вершин, а также описывались частые восхождения. Среди песен, посвященных восхождениям на гору, выделяется сочинение Тадзихи-но Махито Кунихито, имевшее выраженный политико-магический характер: он совершил обряд *куними* – «смотрение страны» с высокого места. «Этот обряд предстает в контекстах как разновидность воздействия на объект с целью его стабилизации и умирения или же наделения силой», совершали этот обряд как основатель правящей династии Ниниги-но микото, внук богов Аматаэрасу и Такамимусуби, так и императоры, поднявшись на гору или любое возвышение [22, с. 27]. Однако на гору *Цукуба* поднялся не государь, а Тадзихи-но Махито Кунихито¹⁵, который своим действием продемонстрировал, что восточная часть острова либо включалась в пространство государства VIII века, либо рассматривалась ее владетелями как самостоятельная территория.

¹⁴ Маньёсю. Пп. 382, 383, 1497, 1712, 1743–54, 1757–59, 3350–51, 3389–96, 4367, 4371.

¹⁵ Маньёсю. П. 382. Род Тадзихи-но Махито, один из старейших аристократических родов столичной области Кинай, считался ответвлением правящего рода и происходил от принца Камицу Уэха, наследника государя Сэнка (535–539). Представители рода не только занимали высшие государственные должности (дайнагон, санги), но и вместе с 4 другими родами стремились не допустить или, по меньшей мере, замедлить возвышение рода Фудзивара. Это хорошо иллюстрирует и судьба Кунихито. Известно, что он был сыном Тадзихи-но Махито Хиронари, советника (санги) государя, и до 757 г. успешно продвигался по служебной лестнице: в 736 г. он имел 5-й ранг низшей ступени и занимал должность главного помощника в Мимбусё, а в 757 г. получил 4-й ранг низшей ступени. В том же году он был сослан в *Идзу* за участие в мятеже Татибана Нарамаро (?–757). Возможно, именно тогда, во время пребывания в *Идзу*, он попал в соседнюю провинцию *Хитати* и поднялся на гору *Цукуба*. Учитывая, что составителями «Маньёсю» были представители рода Отомо, включение в антологию песен Тадзихи-но Махито – рода-союзника в противостоянии Фудзивара, да еще воспевающих совершение им *куними*, было призвано продемонстрировать не только политическую силу оппозиции, но и, что было не менее важно, ее «права» на Восточный край.

В XVIII веке, да и в первой половине XIX, обе горы, Фудзи и Цукуба, еще сохраняли высокий сакральный статус, что в некоторой степени иллюстрирует изображение двух гор на гравюрах Хиросигэ (1797–1858). Количественный подсчет показывает постепенное увеличение значения горы Фудзи сравнительно с Цукуба, 20 – 13 в цикле «100 видов Эдо»¹⁶. Лишь со второй половины XIX в., с эпохи Мэйдзи, гора Фудзи становится символом «нового» японского государства, тем более что и носитель высшей сакральной власти, император, перемещается в Восточную Японию, в Эдо. Высокой сакральности горы способствовал и ее эстетический образ.

Эстетический аспект, который содержал топонимический ряд в японской культуре, ярко иллюстрирует наименование заставы Сиракава. Этот географический объект отнюдь не входит в список основополагающих топонимов, но, являясь элементом политико-административного устройства, представляет интерес для анализа. В раннее Средневековье в японском государстве существовало два типа застав, расположенные в горах, на перевалах и в стратегически важных местах на дорогах [23, с. 715]. При фиксации они различались номенклатурными словами, добавляемыми к топониму. В рассматриваемом случае речь идет о заставе на дороге. Существуют несколько версий о времени первого упоминания топонима в письменных источниках. Авторы «Энциклопедии национальной истории» отмечают, что, вероятно, речь идет об одной из застав, установленных в V веке на востоке страны, на границе с враждебным миром эмиси. Датировку они подтверждают упоминанием топонима в «Куни-но мияцукко хонги» [13, с. 730–731]. В словаре древних топонимов говорится, что застава впервые упоминается в «Руйдзю сандайкяку» (XI век) в числе трех на восточной границе государства¹⁷. В период Хэйан (794–1192) топоним встречается в разных районах и не только в названии заставы, но и уезда в провинции Муцу (совр. преф. Фукусима), больших сел в провинциях Муцу (совр. преф. Мияги) и Хитати (совр. преф. Ибараки), земельных владений (*сё*) в провинциях Этиго (совр. преф. Ниигата), Хида (совр. преф. Гифу), Кии (совр. преф. Вакаяма) [10, с. 796–797].

Застава Сиракава располагалась на северо-востоке Хонсю в провинции Хитати (совр. преф. Фукусима). В «Словаре этимологий древних японских топонимов» указывается: «*Сира* – это измененное *сирю* – «сок, суп», поэтому означает «болото, топь». Видимо, топоним означает «долину реки, затопляемую во время половодья» [11, с. 166]. Вероятно, в средневековье застава была пограничным пунктом между «культурной» центральной областью и «некультурными землями», заселенными эмиси¹⁸.

Хотя и не упомянутая в первой поэтической антологии «Манъёсю», застава Сиракава в течение семи столетий была в центре внимания поэтов, включая таких величайших мастеров, как Сайгё (1118–1190) и Басё (1644–1694). В данной статье для нас не столь важно литературоведческое исследование темы «застава Сиракава» в японской поэзии, сколь причины, по которым этот географический объект занял место в историко-культурной памяти.

Одно из первых упоминаний заставы в стихотворении Ноин-хоси (988–?) сопрягалось с печалью, грустью, вызванной удаленностью от столицы, от ее культуры: «...Когда покидал я

¹⁶ Впервые на данное обстоятельство обратила внимание автора С. Крикалова.

¹⁷ Руйдзю сандайкяку (Установления трех эпох). [835] Сёва 2-12.3. Три заставы: Сиракава, Кита и Нэдзу.

¹⁸ Эмиси – народ, населявший в древности японские острова.

столицу, //...Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава»¹⁹. В той же тональности писал Сайгё: «...и в тоске сожалений [о покинутой столице] начертал я на столбе сторожевых ворот: “На заставе Сиракава // Лучи сочатся сквозь кровлю. // О, этот лунный свет! // Словно сердце моё // Он неволит: останься!”»²⁰. Через пять столетий Басё пишет о заставе Сиракава совсем по-иному, для него уже не так близки ощущения «культурного отрыва», просто он восхищенно слушает шум ветра, акцентируя внимание на эстетическом аспекте: «Ветер на старой заставе Сиракава // Западный ветер? Восточный? // Нет, раньше послушаю, как шумит // Ветер над рисовым полем»²¹.

Своего рода подтверждением включения «заставы Сиракава» в эстетический ряд национальной культуры является замечание Басё в путевом дневнике «По тропинкам Севера»: «Так в сердечном волнении множились дни, но вот я прошёл заставу Сиракава, и улеглось моё сердце странника. И понятно было, что мне захотелось как-нибудь дать знать в столицу. Среди множества прочих эта заставка, одна из трех, влечет к себе сердца людей с тонким вкусом. Осенний ветер еще звучал в ушах, алые клёны вспоминались взору, но и в зеленеющих ветках есть также своя прелесть. От белизны ковыля, от цветенья шиповника так и казалось, будто проходишь по снегу. О том, как в старину оправляли шляпу и сменяли одежду, нам ведь записано кистью поэта Киёскэ» [24, с. 322]. В тексте автор связывает свои размышления с прямым цитированием стихотворений поэтов, воспевавших заставу в разные времена года, показывает историю национальной поэзии, процесс выявления разных значений топонима (сакрально-магического и эстетического), и, конечно, подтверждает любимые японской поэзией с древности темы календарного цикла. Это слова Минамото Ёримаса (1104–1177): «...А здесь алеют клёны...// Застава Сиракава!», затем «осенний ветер» в стихотворении Ноин-хоси; наступление зимы Содзу-инсё: «...И всё покрыто снегом...// Застава Сиракава!»; завершает сезонный цикл сочинение Фудзивара-но Киёсукэ: «Цветок весенний // На шляпе – вот к заставе // Наряд мой лучший» [24, с. 322].

Топоним, как один из видов имен собственных, консервативен по своей природе, что позволяет ему являться хранителем исторической информации, быть показателем времени в письменной культуре, то есть, используя термин М.М.Бахтина, формировать хронотоп культуры. Характерная для островной ментальности географическая определенность и корреляция с ней императорского мифа, являвшиеся одними из основ японской политической культуры вплоть до XX века, определили повышенное внимание к топонимике в культурной традиции. Особенность японской топонимики, как и культуры в целом, заключается в ее выраженной эстетической составляющей. Замечательно сформулировал эту особенность японской культуры один из отечественных журналистов: «...вся идеология Японии, от официальной до самых тонких вариантов философии, была, прежде всего, эстетикой. В ее высших проявлениях это была гигантски развернутая метафора, очень красивая, очень романтическая, к тому же проникнутая одним из самых неодолимых наваждений искусства – духом трагедии, то есть духом прекрасности и неизбежности смерти.

¹⁹ Перевод В.Н. Марковой.

²⁰ Перевод В.Н. Марковой.

²¹ Перевод В.Н. Марковой.

Метафора... уходящая в мир далеких предков как к последнему своему основанию» [25, с. 269].

Список литературы

1. Мещеряков А.Н. Культурные функции японских топонимов // Вестник РГГУ. Книга вторая. М.: РГГУ, 2000. С. 290–310.
2. Нихон сёки : [Анналы Японии]. СПб.: Гиперион, 1997. Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. Т. 1.
3. Кодзики. СПб.: Шар, 1994. Пер. Е.М. Пинус. Т. 1.
4. Matsumae Takeshi. Origin and Growth of the Worship of Amaterasu // Asian Folklore Studies. Nagoya. Vol. XXXVIII–I. 1978. P. 1–11.
5. Грачев М.В., Симонова-Гудзенко Е.К. Идея преемственности императорской власти. // Синто. Путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. С. 148–165.
6. Сёку нихонги. Сер.: Син нихон котэн бунгаку тайкэй: [Новое собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1996. Т. 12.
7. Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: Восток-Запад, 2005.
8. Энгисики : [Установления годов Энги]. Сер.: Кокуси тайкэй : [Собрание текстов по национальной истории]. Токио: Ёсикава кобункан, 1999. Т. 1.
9. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М.: Искусство, 1980. 144 с.
10. Кодай тимэй дайджитэн : [Большой словарь древних топонимов]. Токио: Кадогава сётэн, 1999.
11. Кодай тимэй гогэн дзитэн : [Словарь этимологий древних японских топонимов]. Токио: Токёдо, 1981.
12. Мещеряков А.Н. Ямато и Япония: процессы формирования государственной идентичности в период Нара (международный аспект) // Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 174–188.
13. Кокуси дайджитэн : [Энциклопедия национальной истории]. Токио: Ёсикава кобункан, 1990. Т. 11.
14. Мещеряков А.Н. Гора Фудзи. Между землей и небом. М.: Наталис, 2010.
15. Нихон сёки. Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй : [Собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1965. Т. 67.
16. Манъёсю. Пер. А.Е. Глускиной. М.: Наука, 1970–72. т. 1–3.
17. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М.: РГГУ, 2010.
18. Мияко-но Ёсика. Записи о горе Фудзияма // Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия. Пер. М.В. Грачева. М.: РГГУ, 2009. С. 55–56.
19. Исэ моногатари. Пер. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1979.
20. Дед Такэтори. Пер. А.А. Холодовича // Восток. Литература Китая и Японии / под ред. Н.И. Конрада. М.: Академия, 1935. С. 57–83.
21. Древние фудоки. Пер. К.А. Попова. М.: Наука, 1969.

22. Норито. Сэммё. Пер. Л.М. Ермаковой. М.: Наука, 1991.
23. Кого дзитэн : [Словарь древнего японского языка]. Токио: Иванами сётэн, 1986.
24. Басё М. «По тропинкам севера». Пер. Н.И.Фельдман // Восток. Литература Китая и Японии / под ред. Н.И. Конрада. М.: Академия. 1935. С. 301–349.
25. Агапов Б. Шесть заграниц. М.: Сов. писатель, 1974.

Поступила в редакцию 04.04.2016

Автор:

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры Японии, ИСАА МГУ. E-mail: eksimonova@mail.ru

The Role of Place Names in Political Culture of Medieval Japan

E.K. Simonova-Gudzenko

The article investigates the role and place of toponyms in political culture of medieval Japan. Research of place names demands interdisciplinary approach. A toponym can be considered to be a so called hyperlink, having clicked on it you open a never-ending chain of cultural, historical, political, literary images, events and phenomena. The exact localization of an event or phenomenon is of particular importance in the conditions of insular territory, relief features, distribution and stability of animistic beliefs in Japan. A complete address of an event or a phenomenon most often includes toponyms of the province, county, village or some concrete place that almost always allows to discover the specified object on a map. Moreover, the geographical objects once introduced into cultural context become places of worship, sources of inspiration for many generations and are extremely seldom changed. Toponyms are a component of names of deities, names of emperors and members of imperial family. Place names were also important for determining and fixing state borders. In the article we analyze the history, of origin and existence of toponyms, which make the base of political, historical and cultural image of the country: name of the country (Yamato – Nihon), name of the highest mountain (Fuji). Besides, we investigate as an example of an important element of the political and administrative structure of the medieval state the place name of such an object as a territorial barrier (Shirakawa), little known today. Being onomastic on the whole, a toponym keeps stability and invariance, allows to save historical information, to be a time indicator in written culture, i.e. using M. M. Bakhtin's term, to form a chronotope of culture. Bases of Japanese political culture up to the 20th century were geographical determinacy of insular mentality and correlation with the imperial myth. This has defined special attention to place names in Japanese cultural tradition.

Keywords: place name, toponym, Yamato, Nihon, Fuji, *kami*, islands.

Author:

Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: eksimonova@mail.ru